

Нѣсколько замѣчаній по поводу предыдущей статьи.

Помѣщенная выше статья В. В. Розанова: „Содержаніе и пространство заповѣди—*не прелюбодѣйствуй* (по поводу замѣчаній П. В. Тихомирова)“ по темѣ своей направляется противъ меня,—противъ моей статьи въ 12 кн. „Богословскаго Вѣстника“ за прошлый годъ, устанавливающей библейское понятіе о прелюбодѣяннн вопреки толкованію этого понятія г. В. В. Розановымъ въ смыслѣ противоестественныхъ половыхъ сношеній, исключających зачатіе. Но когда я прочиталъ эту статью, то не нашелъ въ ней почти ничего,—во всякомъ случаѣ, очень мало такого, что дѣйствительно бы и серьезно говорило противъ меня: всего два-три толкованія библейскихъ мѣстъ да противопоставленіе моимъ экзегетическимъ выводамъ общихъ религіозно-философскихъ соображеній. Да и самъ авторъ въ теченіе статьи своей не разъ замѣчаетъ, что высказываемые имъ взгляды противъ меня не направляются, а въ концѣ и прямо заявляетъ, что онъ въ общемъ со мною согласенъ и мнѣ „уступаетъ“. Все это дѣлало бы для меня излишнимъ продолженіе полемики: то немногое, что дѣйствительно направляется противъ меня, не кажется ни мнѣ, ни самому В. В. Розанову существеннымъ; а то, что есть въ его статьѣ новаго противъ его прежнихъ сужденій (мною опровергавшихся), не создаетъ для меня обязанности возражать, хотя бы я и былъ съ авторомъ несогласенъ (какъ не возражалъ я и въ своей предыдущей статьѣ противъ его общей теоріи брака и развода, не смотря на несогласіе съ нею въ нѣкоторыхъ весьма существенныхъ пунктахъ). Но, слѣдуя установившемуся въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ обычаю при возраженіяхъ на статьи членовъ

академической корпораціи печатать вмѣстѣ съ этими возраженіями и объясненія заинтересованныхъ авторовъ, съ одной стороны, и полагая, съ другой, что для самого моего, скажемъ, противника было бы, пожалуй, непріятно мое продолжающееся нежеланіе обсуждать затрогиваемые имъ вопросы въ тѣхъ рамкахъ и въ томъ смыслѣ, въ какихъ ведетъ это обсужденіе онъ,—я отвѣчу, по возможности, на сдѣланныя мнѣ возраженія и выскажу нѣсколько краткихъ критическихъ замѣчаній по другимъ, прямо меня не касающимся, пунктамъ, съ которыми не могу согласиться или согласенъ съ ограниченіями, поправками и т. п.

Въ первой (вступительной) части своей статьи В. В. Розановъ указываетъ тѣ общія основанія, въ силу которыхъ современный человѣкъ имѣетъ „бездну возможностей не понять“ ветхозавѣтной жизни, тогдашнихъ бытовыхъ отношеній, нравственныхъ и юридическихъ идей (стр. 519—520), и видитъ въ этомъ апріорное оправданіе своего сомнѣнія въ справедливости моего тезиса, что „прелюбодѣяніемъ въ библейскія времена называлось то же самое, что называется этимъ именемъ у насъ“. Тономъ, не допускающимъ никакихъ возраженій и даже игривымъ отъ сознанія своей неотразимости, онъ заявляетъ: „Ну, конечно—не то же самое! не тѣ же самыя вещи! не реестръ, не перечень ихъ! не то же содержаніе таинственнаго чемодана съ квитанціей о немъ: „Москва. Два пуда““ (стр. 521). Не могу здѣсь не отмѣтить довольно странной логики моего оппонента. Вѣдь еще школьникомъ, вѣроятно, училъ онъ правило: „*a posse ad esse non valet consequentia*“; а самъ теперь заключаетъ „*a posse*“ не только „*ad esse*“, но даже и „*ad oportere*“ или, что то же, „*ad necesse*“ („есть бездна возможностей не понять“—„конечно не то же“). Это свое „конечно“ В. В. Розановъ долженъ, конечно (во всякомъ случаѣ), взять назадъ, какъ слишкомъ поспѣшное и логически неправомѣрное заявленіе.

Что я могу ошибаться и потому могу не понять извѣстнаго явленія ветхозавѣтной жизни, это безспорно и безъ какихъ либо доказательствъ, ибо вѣдь *errare humanum est*; но что я *дѣйствительно* ошибся и *дѣйствительно* не понялъ чего либо, это въ доказательствахъ весьма нуждается и безъ

нихъ не должно быть заявляемо. Съ этихъ доказательствъ мой оппонентъ и долженъ былъ начать свои возраженія мнѣ.

А теперь что доказываетъ онъ своимъ „общимъ очеркомъ дѣла“ (такъ называетъ онъ начало своей статьи, стр. 519—520)? Что Давидъ имѣлъ иное понятіе о прелюбодѣяніи, нежели мы? Можетъ быть, относительно объема и нѣкоторыхъ частностей содержанія даннаго понятія это, при ближайшемъ изслѣдованіи дѣла, дѣйствительно оказалось бы такъ, если бы мы могли подвергнуть подробному допросу этого царя по всѣмъ интересующимъ насъ пунктамъ; но за естественной невозможностью этого, для нашего изслѣдованія остаются только тѣ его изреченія и заявленія, какія намъ сохранила исторія въ дошедшихъ до насъ литературныхъ произведеніяхъ царя Давида и въ свидѣльствахъ хроникъ того времени;— ихъ, слѣдовательно, и надо подвергнуть анализу, чтобы получить желаемый отвѣтъ. Въмѣсто того г. Розановъ останавливаетъ свое вниманіе на жизни и поступкахъ Давида. Это—пріемъ, принципиально ненадежный; ибо кто же не знаетъ, что наши поступки далеко не всегда соотвѣтствуютъ нашимъ нравственнымъ понятіямъ? Но пусть даже поступки, совершаемые съ сознаніемъ ихъ этической правомѣрности и не встрѣчающіе среди современниковъ противоположной оцѣнки, могутъ дѣйствительно считаться показателями нравственныхъ понятій извѣстной эпохи и изв. общества; пусть, затѣмъ, обсуждаемый г. Розановымъ фактъ многоженства Давида дѣйствительно принадлежитъ къ числу такихъ этически правомѣрныхъ по тому времени фактовъ; что же отсюда слѣдуетъ по вопросу о прелюбодѣяніи? Мнѣ кажется, что ровно ничего: многоженство есть явленіе иного порядка, нежели прелюбодѣяніе; если бы и у насъ дозволялось имѣть нѣсколькихъ женъ, то наше понятіе о прелюбодѣяніи осталось бы въ полной силѣ, подъ нимъ все равно разумѣлось бы нарушеніе супружеской вѣрности (только этой вѣрности мужъ требовалъ бы не отъ одной жены, а отъ нѣсколькихъ своихъ законныхъ женъ, и самъ ею былъ бы обязанъ не одной, а нѣсколькимъ женщинамъ). А если у насъ многоженство теперь трактуется, не только какъ прелюбодѣяніе, а даже и еще хуже, то это только потому, что у насъ узаконена лишь моногамія: многоженецъ является прелюбодѣемъ, потому что всѣ его „жены“, кромѣ одной, не признаются законными

женами, и уголовнымъ преступникомъ, потому что онъ обманомъ совершаетъ дѣйствіе, запрещенное закономъ. Тутъ—не разность понятій о прелюбодѣяннн, а разность законодательства о числѣ дозволенныхъ челоѣку женъ. Все это—такія простыя и самоочевидныя вещи, что едва ли надо быть „одной крови и однихъ костей“ съ ветхозавѣтными евреями, чтобы понять и по достоинству оцѣнить всю разницу ихъ семейнаго быта и вытекающихъ отсюда специальныхъ морально-юридическихъ представленій отъ нашихъ. Вся эта рѣчь о „другой крови и костяхъ“ понадобилась г. Розанову только затѣмъ, чтобы оправдать свое предпочтеніе талмудическихъ свидѣтельствъ для толкованія 7 заповѣди изученію подлиннаго библейскаго текста. Но что такое предпочтеніе вообще незаконно, объ этомъ я скажу нѣсколько словъ ниже (стр. 546 — 547). Теперь же достаточно указать лишь на собственные слова г. Розанова, что онъ „Талмудомъ воспользовался ничтожно и небрежно“... Къ чему же, спрашивается, было затѣвать всю эту экскурсію, давать весь этотъ „общій очеркъ дѣла“? Ни противъ меня, ни по существу дѣла мой оппонентъ не сказалъ въ немъ чего либо цѣннаго.

Во второмъ отдѣлѣ своей статьи, „переходя къ подробностямъ“, В. В. Розановъ приводитъ тѣ основанія, какія позволяютъ ему по вопросу о сущности прелюбодѣяннн остаться при своемъ прежнемъ мнѣнн, немного лишь его ограничивъ и видоизмѣнивъ въ виду моихъ возраженій. Считаая необходимыми „тщательно воспользовался Талмудомъ для раскрытія точнаго содержанія 7 заповѣди“, онъ, по собственнымъ его словамъ, пожелалъ опереться на объясненіе р. Іуды,—что „айлонить и есть та блудница, о которой сказано въ Торѣ“. Последнія слова этой выдержки онъ понималъ въ томъ смыслѣ, что „на протяженн всей Торы говорится“. Свою ошибку онъ видитъ только въ „торопливости и неосторожности“, съ какими онъ „допустилъ себя отождествить вообще все пространство и объемъ содержащагося въ 7 заповѣди съ ненормальными половыми отношеніями“. Исправленіемъ этой ошибки будетъ включеніе въ число запрещаемыхъ 7 заповѣдью грѣховъ „вѣроломства жёнъ“ (стр. 521. 539). Но принципиально и свой взглядъ, и взглядъ р. Іегуды онъ считаетъ правильнымъ, какъ наиболѣе соответствующій духу

и интересамъ ветхозавѣтнаго семейнаго права и брачнаго законодательства (стр. 522 и слѣд.).

Не касаясь пока этой принципиально-философской аргументации, относительно самой попытки опереться на Талмудъ—и притомъ въ такой формѣ, въ какой это сдѣлано г. Розановымъ,—я долженъ сказать слѣдующее: 1) авторитетъ Талмуда въ экзегетическихъ вопросахъ вообще довольно незначителенъ, потому что изданіе Мишны отдѣлено отъ появленія послѣдней пророческой книги промежуткомъ времени около 700 лѣтъ (пол. 5-го вѣка до Р. X. и пол. 3-го вѣка по Р. X.), а отъ завершенія ветхозавѣтнаго канона около 500 лѣтъ. Ни о какой научно цѣнной экзегетической традиціи, а тѣмъ болѣе традиціи идей, неразрывно связывающей Талмудъ съ Библіей, не можетъ быть и рѣчи. Традиція эта неоднократно прерывалась даже на протяженіи образованія самаго канона священныхъ книгъ: при Іосіи возможны были „находки“ Моисеева законодательства, міровоззрѣніе Ездры существенно разнится отъ міровоззрѣнія доплѣннаго, кругъ идей Малахіи далекъ и во многомъ противоположенъ кругу идей Исаи и т. д. Говоря это, я отнюдь не думаю отрицать значенія іудейской письменности для исторіи и филологической критики современнаго библейскаго текста (вѣдь читаемый нами теперь еврейскій т. н. „масоретскій“ текстъ обязанъ своей редакціей дѣятельности именно еврейскихъ ученыхъ;—редакція эта завершилась около 7 вѣка по Р. X.), а также и для характеристики пониманія библейскаго текста въ соответственныя эпохи; но вѣдь это еще не значитъ, чтобы за талмудистами признавался какой либо авторитетъ въ пониманіи подлиннаго смысла рѣчей библейскихъ писателей, т. е. того смысла, какой въ нихъ влагали авторы и ихъ современники ¹⁾. Здѣсь полноправнымъ судьей является фило-

¹⁾ В. В. Розановъ въ своемъ довѣріи къ авторитету талмудистовъ идетъ еще далѣе, признаетъ ихъ авторитетъ почти равноцѣннымъ библейскому или, во всякомъ случаѣ, родственнымъ съ послѣднимъ даже тамъ, гдѣ Талмудъ даетъ новыя сравнительно съ Библіей предписанія: и это все—опять по тому же убѣжденію въ непрерывности традиціи, хранимой Талмудомъ отъ древнихъ библейскихъ временъ. „Хотя въ текстѣ Торы, говоритъ онъ, и не уставлено права жены требовать себѣ развода (замѣчаніе проф. Тихомирова), но толкователи Торы, все же вѣдъ

логическое изслѣдованіе и истолкованіе Библии по заключающимся въ ней самой даннымъ. 2) Если бы Талмудъ и имѣлъ желательный для В. В. Розанова авторитетъ, то все-таки мнѣніе р. Іегуды, одиноко взятое, не могло бы имѣть никакого рѣшающаго значенія, съ чѣмъ, какъ мы видимъ, соглашается и самъ В. В. Розановъ. 3) Если бы, затѣмъ, и мнѣніе р. Іегуды принципиально признавалось рѣшающимъ, то все-таки оно истолковывало бы только одно мѣсто, именно Лев. 21, 7, а не относилось бы ко всѣмъ мѣстамъ, говорящимъ о блудѣ или прелюбодѣянніи, „на пространствѣ всей Торы“, какъ хочется В. В. Р—ву. 4) Да и тогда оно годилось бы только для пониманія сущности „блуда“ (זנות), 7-ю заповѣдью не запрещаемого, а не „прелюбодѣяннія“ (זנות), составляющаго предметъ 7 заповѣди и вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ нашего спора. Все это было вполнѣ ясно раскрыто въ моей статьѣ (стр. 780), и напрасно мой оппонентъ не обратилъ на это надлежащаго вниманія.

Скажу теперь о принципиальномъ обоснованіи г. Розановымъ своего взгляда на прелюбодѣянніе, какъ главнымъ образомъ на противоестественное половое сношеніе ¹⁾. За исход-

великіе и авторитетные хотя бы по духу родства и непрерывной у нихъ традиціи, восходившей до подножія Синая, очень скоро установили и для жены право требовать разводъ“ и т. д. (стр. 536). Эта „непрерывная традиція“ является у г. Розанова плодомъ его слѣпного довѣрія къ легендѣ о такъ называемыхъ „отцахъ (вѣрнѣе—„мужахъ“) великой синагоги“ (ср. стр. 538). Но, какъ уже около 40 лѣтъ тому назадъ доказано (А. Куененомъ въ 1876 году въ изслѣдованіи: „Ueber die Männer der grossen Synagoge“), никакой великой синагоги въ томъ смыслѣ, въ какомъ говоритъ о ней Талмудъ, никогда не существовало. Доказано, что употребленіе самаго имени „великой синагоги“ въ извѣстныхъ намъ источникахъ не восходитъ раньше 2 вѣка по Р. Хр., и что тотъ неизвѣстный, кто первый ввелъ въ школьное употребленіе названіе הנהל גדולה, несомнѣнно, имѣлъ въ виду собраніе, описанное въ Неем. 8—10. Но это послѣднее не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ тѣми функціями, какія усваются великой синагогѣ въ древнѣйшемъ талмудическомъ свидѣтельствѣ „Пирке-Аботъ“. Справедливо поэтому мужей великой синагоги называть „эксцентрическими мисомъ“. Надѣюсь, что эта научная справка возымѣетъ свое значеніе въ глазахъ В. В. Розанова и охладитъ нѣсколько его чрезмѣрный пѣтеть къ Талмуду.

¹⁾ „Главнымъ образомъ“—потому, что, въ виду приведенныхъ мною примѣровъ, онъ теперь соглашается включить въ число грѣховъ противъ 7 заповѣди и простое нарушеніе супружеской вѣрности женой безъ какихъ-либо противоестественностей въ половомъ актѣ.

ный пунктъ этого обоснованія берется положеніе, что „7 заповѣдь, отъ Бога вышедшая, не можетъ идти навстрѣчу Божіему же заповѣданію: плодитесь, множитесь, наполните землю; т.е. она не можетъ содержать въ себѣ ни малѣйшей тенденціи къ ограниченію плодородія“. Отсюда слѣдуетъ выводъ,—здѣсь только намѣчаемый (въ словахъ: „я прямо не хотѣлъ думать, что тутъ ограничивается чадородіе“), послѣдующимъ ходомъ мыслей предполагаемый, а въ дальнѣйшихъ частяхъ статьи и прямо провозглашаемый,—что всякое нормальное половое сношеніе мужчины съ женщиной, могущее имѣть своимъ послѣдствіемъ зачатіе и рожденіе ребенка, ни въ какомъ случаѣ не запрещается (не можетъ запрещаться) 7 заповѣдью закона Божія. Естественно тогда спросить: что же этою заповѣдью запрещается? Высоко чтя „заповѣдь“ плодородія, В. В. Розановъ уже а priori склоненъ отвѣтить: нѣчто противное плодородію ¹⁾. Съ этимъ уже *напрашивающимся* отвѣтомъ онъ приступаетъ къ анализу ветхозавѣтныхъ мѣстъ, относящихся къ семейной жизни и вообще характеризующихъ національно-бытовое міровоззрѣніе древнихъ евреевъ, и, конечно, находитъ въ этихъ мѣстахъ подтвержденіе своему взгляду: останавливаясь на исторіи Оана и Содомлянъ и принимая во вниманіе, что Оановъ случай (если его брать въ формальномъ смыслѣ,—какъ сожитіе безъ оплодотворенія) могъ много разъ имѣть мѣсто и раньше и послѣ (при случайныхъ оскотленіяхъ), онъ полагаетъ, что это то и есть главная, противная истинному браку, мерзость, которая можетъ запрещаться 7 заповѣдью. Въ этой мысли утверждаютъ его наблюденія надъ другими предписаніями Моисеева законодательства, гдѣ всюду богоугодное является синонимомъ цѣльнаго (цѣльная жертва, цѣльные дрова на жертвенникъ и т. п.). Скопчество во всѣхъ видахъ, не цѣльный организмъ — противны Богу въ бракѣ (стр. 523).

Аргументація эта, какъ по своему основному приему, такъ и по логическому построенію, не сильна и наивна. Вѣдь Библия есть сборникъ литературныхъ памятниковъ древняго

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ я понимаю его указанія на сѣтованія Л. Н. Толстого въ „Крейцеровой сонатѣ“ и на общечеловѣческое чувство гадливости предъ всякими „мѣрами“ противъ зачатія.

еврейства. А понятіе прелюбодѣянiя—СЪЕМ—одно изъ специфическихъ понятiй и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ техническихъ терминовъ, встрѣчающихся въ этой литературѣ. Кажется, безусловно ясно, что для опредѣленiя смысла понятiя и термина, надо взять всѣ случаи употребленiя его въ данной литературѣ и отсюда, пользуясь, съ одной стороны, контекстомъ, а съ другой, обобщая находимый въ отдѣльныхъ случаяхъ смыслъ, устанавливать общее значенiе термина и содержанiе выражаемаго имъ понятiя. Это — единственно законный приемъ историко-филологическаго изслѣдованiя; а въ данномъ вопросѣ никакое другое, кромѣ историко-филологическаго, изслѣдованiе не умѣстно. Взаимнъ того, г. Розановъ начинаетъ разсуждать о томъ, что Богъ могъ запрещать 7 заповѣдью и чего не могъ; что Онъ долженъ былъ запретить, чтобы не стать въ противорѣчiе съ собственною заповѣдью о размноженiи. Да какое намъ дѣло до всего этого? Къ чему такое умозрѣнiе, когда мы имѣемъ прямыя, документальныя свидѣтельства, показывающiя, что именно Онъ запрещалъ словами $\text{קְנַח פְּנֵי$? Г. Розановъ не хочетъ допустить мысли, чтобы Богъ самъ себя противорѣчилъ. Прекрасно. Но пусть онъ и добивается устраненiя этого видимаго противорѣчiя, не принося въ жертву результатовъ историко-филологическаго изслѣдованiя. Устраненiе подобныхъ противорѣчiй есть задача спекулятивно-богословская; а богословская спекуляцiя не только не должна считать себя выше филологическаго экзегезиса, а напротивъ, должна быть подчинена ему и на него опираться. Забвенiемъ этого научнаго требованiя всегда грѣшила средневѣковая схоластика, доселѣ грѣшитъ католическое богословіе и въ весьма сильной степени повинно наше православное богословіе. Отъ этой погрѣшности освободилось протестантское богословіе и понемногу начинаетъ освобождаться наше, но—только понемногу. Г. Розановъ въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ дурной и ненаучной традици.

Но вникнемъ въ самое логическое построенiе его аргументацiи. Въ 7 заповѣди Богъ не могъ ограничивать чадородiя. Пусть будетъ такъ. Если не могъ, то, слѣдовательно, и не ограничилъ. Какимъ образомъ этотъ выводъ мѣшаетъ пониманiю заповѣди въ смыслѣ требованiя супружеской вѣрности? Вѣдь при нормальномъ положенiи дѣла (а законо-

дательство вообще и божественное законодательство въ частности и рисуетъ намъ именно нормы), каждый способный и склонный къ чадорожденію мужчина и каждая способная и склонная женщина находятся въ брачномъ союзѣ. Естественно, что удовлетвореніе полового инстинкта должно находить мѣсто въ предѣлахъ каждаго союза, а внѣ его оно является уже разрушеніемъ семейнаго счастья — собственнаго и чужого. Таковое разрушеніе и запрещено 7 заповѣдью. Никакого ограниченія плодородія въ предѣлахъ заключенныхъ союзовъ она не содержитъ, а лишь предотвращаетъ нарушеніе союзовъ или, употребляя выраженіе В. В. Розанова, „смѣшеніе сѣмени“. Вопросъ о правѣ не ограничиваться удовлетвореніемъ полового инстинкта только въ супружествѣ можетъ возникать лишь вслѣдствіе существованія неженатыхъ или овдовѣвшихъ мужчинъ и незамужнихъ или овдовѣвшихъ женщинъ. Но то и другое есть явленіе отчасти ненормальное, а отчасти случайное. А законъ или общая норма не должна быть рассчитана на случайности или ненормальности. Законъ формулируется въ общемъ видѣ и въ расчетѣ на нормальное положеніе дѣла. Я не вижу, чтобы противъ этого можно было какъ-нибудь спорить. Правда, это представленіе схематично и беретъ идеальный случай; реальная же жизнь настолько изобилуетъ всякаго рода aberrациями отъ этого идеальнаго случая, что самоочевидное нравственное требованіе (7 заповѣдь), формулирующее лишь гарантію законѣрнаго осуществленія изначальнаго благословенія Божія на плодородіе, начинаетъ нуждаться въ оправданіи и истолкованіи въ примѣненіи къ конкретнымъ соціальнымъ и бытовымъ условіямъ. Здѣсь уже мы попадаемъ въ область моральной казуистики. По нѣкоторымъ частностямъ этой казуистики я надѣюсь сдѣлать свои замѣчанія въ дальнѣйшемъ. Теперь же повторяю, что принципиально и въ предположеніи идеальнаго случая семейной группировки мужчинъ и женщинъ, усматриваемое г. Розановымъ противорѣчіе между 7 заповѣдью и благословеніемъ прародителямъ безусловно не существуетъ.

Что касается онанизма, скопчества и тому подобныхъ гадостей, препятствующихъ нормальной семейной жизни, то почему г. Розанову хочется, чтобы они были осуждены имено 7 заповѣдью десятословія? Они дѣйствительно осуж-

дены въ законѣ Моисеевомъ; но только это осужденіе отнюдь не содержится въ словахъ *חַמֵּץ אֵל*, т.-е. въ 7 заповѣди. В. В. Розановъ съ этой заповѣдью дѣйствительно поступаетъ, какъ съ „чемоданомъ“, наполняя послѣдній по своему благоусмотрѣнію совершенно произвольнымъ, но кажущимся ему цѣлесообразнымъ, содержаніемъ (см. его собственное сравненіе на стр. 521):..

На стр. 524 В. В. Розановъ пытается поколебать значеніе приведенныхъ въ моей статьѣ филологическихъ справокъ посредствомъ слѣдующаго разсужденія: „Большинство примѣровъ употребленія слова „блудница“, какіе привелъ П. В. Тихомировъ (стр. 766 — 767), относятся именно къ здоровымъ и цѣльнымъ женщинамъ, и онъ привелъ ихъ, чтобы доказать, что „не уродцы именовались блудницами“. Но это такъ же мало опровергаетъ мою гипотезу, какъ и то, если бы кто-нибудь сказалъ, что „госпожа Позднышева и самъ Позднышевъ не предавались грѣху Онана, ибо не читали они Библии и Онану не подражали, да и имѣли въ свое время дѣтей“. Богъ видитъ явное, видитъ и тайное, отвѣчу я. Позднышевы руководились тѣмъ самымъ нежеланіемъ, какимъ толкался Онанъ къ своему гнусному поступку (нежеланіе плодородія), и повторили этотъ же самый проступокъ, хотя, можетъ-быть, и видоизмѣнивъ его способъ примѣнительно къ своимъ, ставшимъ извращенными, вкусамъ“. Совершенно вѣрно, что способность человѣка къ нормальному половому акту еще не есть ручательство за то, что онъ не совершаетъ ненормальныхъ актовъ; и совершенно напрасно г. Розановъ думаетъ, будто я беру на себя смѣлость ручаться за корректность въ этомъ смыслѣ всѣхъ ветхозавѣтныхъ прелюбодѣевъ и прелюбодѣйцъ; — развѣ можно за это ручаться? Но сущность моихъ доводовъ — въ томъ, что *библейскія мѣста, говоряція о прелюбодѣяннн, нигдѣ не содержатъ ни малѣйшаго указанія на противоестественный актъ, какъ на принадлежность этого грѣха. И съ другой стороны, нѣтъ въ Библии ни одного мѣста, гдѣ бы противоестественныя половыя отношенія назывались прелюбодѣяннємъ. Мало ли какими мерзостями, кромѣ прелюбодѣяннн, могли заниматься прелюбодѣи и прелюбодѣйки? Неужели всѣ ихъ тоже надо называть прелюбодѣяннємъ? Жаль, что многоважаемый В. В. Розановъ не потрудился точно*

понять, о чемъ именно я съ нимъ спору. Я поднялъ споръ о точномъ смыслѣ термина פְּנִי (и отсюда פְּנִיָּה), имѣвшаго въ В. З. вполне определенное значеніе, и протестовалъ противъ смѣшенія этого понятія съ другими, хотя бы и очень близкими, понятіями, но обозначавшимися иными терминами.

На стр. 526 мой оппонентъ говоритъ, будто я опредѣляю прелюбодѣяніе, „примѣняясь къ нашимъ понятіямъ“, и затѣмъ пытается разяснить, что „эти наши понятія совершенно и притомъ гибельно ложны“. Это безусловно не вѣрно. Опредѣленіе ветхозавѣтнаго понятія прелюбодѣянія я даю отнюдь не „примѣняясь къ нашимъ понятіямъ“, а исключительно примѣняясь къ тѣмъ фактамъ, въ обстановкѣ которыхъ происходятъ или представляются возможными, по даннымъ ветхозавѣтныхъ библейскихъ книгъ, случаи, обозначаемые терминомъ פְּנִי. Понятно отсюда, что и приводимые В. В. Розановымъ примѣры „нашихъ понятій“, не соответствующіе библейскимъ представленіямъ, нисколько не говорятъ противъ меня. „Прелюбодѣяніемъ, говоритъ онъ, мы именуемъ одинаково: 1) рожденіе дѣвцею младенца, 2) рожденіе вдовою младенца, 3) рожденіе младенца дѣвцею или вдовою отъ женатаго человѣка и 4) половое общеніе замужней женщины съ не мужемъ“. Позволю себѣ прежде всего отмѣтить неточность въ словоупотребленіи г. Розанова даже съ точки зрѣнія т. н. „нашихъ понятій“: во всѣхъ указанныхъ случаяхъ,—если только здѣсь можно говорить о прелюбодѣяніи,—этимъ именемъ будетъ называться не рожденіе младенца, а тѣ половыя сношенія, которыя повели къ этому рожденію (а могли и не повести). Что касается самаго перечня, то онъ—не полонъ: почему же здѣсь нѣтъ № 5—половыхъ сношеній женатаго мужчины съ не женою? По существу относительно этого перечня я могу сказать, что факты, значащіеся подъ №№ 1—2,—поскольку имѣется въ виду только мать, а отецъ неизвѣстенъ или о немъ вообще не поднимается вопроса,—не „составляетъ „прелюбодѣянія“, а относится къ категоріи „блуда“ (по ветхозавѣтной терминологіи—פְּנִיָּה). Фактъ подъ № 3 есть прелюбодѣяніе только со стороны мужчины, а со стороны женщины—опять только блудъ. Факты подъ №№ 4 и пропущеннымъ 5 дѣйствительно составляютъ прелюбодѣяніе и могли бы быть объединены въ опредѣленіи: „нарушеніе су-

прусской вѣрности (измѣна) однимъ изъ супруговъ“. Что тутъ можетъ говорить противъ меня, я совершенно не вижу. Да и отличіе этого исправленнаго опредѣленія отъ библейскаго понятія оказывается, въ сущности, не такъ велико, какъ этого хочется г. Розанову. Отличіе это (въ своей декабрьской статьѣ я его не касался) состоитъ, повидимому, въ томъ, что обязательства женатаго мужчины къ своей женѣ понимались менѣе строго, нежели, наоборотъ, обязательства замужней женщины къ своему мужу: мужчина назывался прелюбодѣемъ, повидиму, только въ томъ случаѣ, если онъ совершалъ половой актъ съ чужою женой (съ дѣвицею же, вдовой или блудницею онъ могъ только блудить, но не прелюбодѣйствовать), женщина же называлась прелюбодѣйкой безотносительно къ тому, съ кѣмъ она сходилась. „Нашими понятіями“ такая неравноправность супруговъ отвергается, подобно тому, какъ и въ правахъ на разводъ наши понятія стараются уравнивать мужчину и женщину—вопреки господствовавшей въ ветхозавѣтномъ законодательствѣ несправедливости въ пользу мужчины и въ ущербъ женщинѣ ¹⁾. Но это различіе для сужденія о самомъ существѣ запрещаемого 7 заповѣдью и называвшагося словомъ **זָנָה** поступка, для рѣшенія вопроса, былъ ли это нормальный половой актъ или какая-либо противоестественность, не имѣетъ никакого значенія.

Самымъ серьезнымъ съ логической точки зрѣнія возраженіемъ В. В. Розанова противъ моей статьи является его попытка (стр. 532 и сл.) дать другое толкованіе приведеннымъ мною текстамъ. Это—единственно законная почва, на которой долженъ и можетъ вестись нашъ споръ, потому что въ дѣло идетъ именно о смыслѣ термина **זָנָה**. Изъ приведенныхъ мною 27 примѣровъ три, значащіяся подъ №№ 12, 13 и 22, по словамъ г. Розанова,—„могутъ обнимать и нормальныя и ненормальныя отношенія, и вообще не противорѣчатъ его утвержденію“. Тексты эти суть: Пр. 6, 32; Іер. 5, 7, Іер. 23, 23. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Въ первомъ изъ названыхъ текстовъ ровно ничего нѣтъ такого, что давало бы хотя малѣйшій намекъ на противоестественныя по-

¹⁾ Эта несправедливость вытекала изъ взгляда на женщину въ бракѣ, какъ на *собственность* мужчины.

ловья сношенія, а напротивъ, изображается самый банальный адюльтеръ съ побоями отъ оскорбленнаго мужа и съ перспективой уголовного преслѣдованія съ его стороны: „Кто прелюбодѣйствуетъ съ женою, у того нѣтъ ума; тотъ губить душу свою, кто дѣлаетъ это: побои и позоръ найдутъ онъ, и безчестіе его не изгладится, потому что ревность—ярость мужа, и не пощадитъ онъ въ день 'мщенія, не приметъ никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножалъ даровъ“. Послѣднія слова этого текста содержать въ себѣ подтвержденіе той самой мысли, которую я развивалъ въ своей декабрьской статьѣ,—что прелюбодѣянiе разсматривалось въ В. З., какъ уголовное преступленіе, которое не могло окончиться примиреніемъ враждующихъ сторонъ и денежнымъ взысканіемъ съ виновнаго въ пользу потерпѣвшаго, тогда какъ блудъ былъ преступленіемъ гражданскимъ, допускавшимъ примиреніе и вознагражденіе (стр. 775—6). То же надо сказать и о второмъ текстѣ:„они прелюбодѣйствуютъ и толпами ходятъ въ дома блудницъ... Это откормленные кони: каждый изъ нихъ ржетъ на жену другого“. Третій текстъ неправильно процитированъ г. Розановымъ, надо Іер. 29, 23, а не Іер. 23, 23. Въ этомъ текстѣ точно также нѣтъ ничего, что могло бы быть понято въ духѣ В. В. Розанова: „гнусное“, евр. פְּזִזִּים не содержитъ указаній на фізіологически сексуальныя аномаліи.

Тексты, приведенные у меня подъ №№ 14 и 21, Іер. 3, 9 и Пр. 30, 20, В. В. Розановъ прямо толкуетъ въ смыслъ указанія на противоестественныя половыя отношенія, какъ составную часть прелюбодѣянiя. Съ этими толкованіями я ни въ какомъ случаѣ не могу согласиться. Идолослуженіе называется въ В. З. верѣдко „прелюбодѣянiемъ“. Основанія этого выяснены мною въ предыдущей статьѣ (см. стр. 769. 771). Что идолы называются „камнемъ и деревомъ“ и почему называются, это едва ли нуждается въ разъясненіяхъ. Теперь выраженіе: „прелюбодѣйствовала (Иудея) съ камнемъ и деревомъ“, какъ открывается изъ всего контекста, вполне равносильно выраженію: „служила идоламъ“ и больше этого ровно ничего не значитъ, не содержитъ въ себѣ никакого дальнѣйшаго намека. Да и не абсурдъ ли предполагать здѣсь какой-либо болѣе реальный намекъ? Неужели можно себѣ представить реальное половое отношеніе къ камню и

дереву?... Не могу согласиться и съ тѣмъ, чтобы выраженіе: „поѣла, отерла ротъ свой“ и т. д. содержало въ себѣ нѣчто большее простого образа: какъ съѣденная пища, не оставившая никакого слѣда на устахъ, не можетъ быть узнана, такъ и прелюбодѣяніе женщины не можетъ быть открыто, если ее никто не видѣлъ или не засталъ въ моментъ преступленія. Сколь ни соблазнительны аналогіи, доставляемыя древнимъ „Требникомъ“ и фактами, собранными въ „Судебной генекологіи“ г. Мержеевского, въ самомъ текстѣ нѣтъ никакихъ основаній понимать эти слова Приточника буквально; а пользоваться для этого „нашими понятіями“ и изобрѣтательностью современнаго культурнаго разврата было бы, какъ хорошо знаетъ и самъ г. Розановъ, ненаучнымъ экзегетическимъ приѣмомъ.

Совершенно неожиданно, но, несомнѣнно, вполнѣ искренно звучитъ заключительное замѣчаніе къ этому экзегетическому отдѣлу: „Вообще едва ли кто станетъ спорить, если я спрошу прямо: а отступленія отъ нормы куда отнести? Никто не возразитъ, что—къ прелюбодѣянιάмъ“ (стр. 533). Здѣсь со всею очевидностью вскрывается *πρωτον ψευδος* г. Розанова,—та коренная ложная концепція, которая повлекла за собою столько напрасныхъ усилій доказать библейскими ссылками то, что ими не можетъ быть доказано. Именно противъ этого то тезиса я и возражаю все время и теперь еще разъ самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаю: *далеко не всѣ отступленія отъ нормы брачной жизни, по ветхозавѣтнымъ даннымъ, да и по „нашимъ понятіямъ“, слѣдуетъ относить къ прелюбодѣянιάмъ, а только одну группу такихъ отступленій, объединяемыхъ въ понятіи супружеской измѣны.* Всѣ же другія отступленія распредѣляются по другимъ категоріямъ (блудъ, онанизмъ, педерастія и т. д.)¹⁾.

На томъ же *πρωτον ψευδος* покоится и резюме всей статьи г. Розанова. „Въ общемъ, говоритъ онъ, я конечно уступаю г. Тихомирову и ввожу въ содержаніе 7-ой заповѣди запрещеніе вѣроломства женъ; какъ онъ безъ сомнѣнія согласится со мною, и введетъ сюда запрещеніе неестественностей“ (стр. 538—539). Могу увѣрить моего уважаемаго оппонента,

¹⁾ Въ нашемъ Катихизисѣ всѣ эти отступленія тоже отнесены къ грѣхамъ противъ 7 заповѣди; но это сдѣлано въ интересахъ учебныхъ и мнемоническихъ, а не по сознанию научной правоты такого взгляда.

что если бы дѣло зависѣло только отъ моего согласія, я ни минуты не поколебался бы дать такое. Конечно, всѣ половыя неестественности должны быть запрещены. Но вѣдь совершенно не зависитъ отъ моей воли вычитать это запрещеніе изъ такихъ текстовъ, которые его не содержатъ. „Inter duo contradictoria tertium non datur“ и „между двухъ стульевъ сидѣть не годится“—оба эти положенія суть истины святыя; но нужно быть плохимъ филологомъ и слабымъ въ логикѣ, чтобы счесть второе точнымъ переводомъ или даже адекватнымъ перифразомъ перваго, хотя, несомнѣнно, нѣкоторое родство между ними и имѣется. Буква библейскаго текста во всѣхъ разнообразныхъ случаяхъ употребленія еврейскаго слова אֵלֹהִים не позволяетъ видѣть въ этомъ словѣ указанія на половыя противоестественности; не могу же я, при всемъ своемъ отвращеніи къ этимъ явленіямъ, видѣть ихъ запрещеніе въ словахъ заповѣди אֱלֹהִים אֶחָד. Для утѣшенія г. Розанова могу только еще разъ напомнить ему, что всѣ половыя неестественности дѣйствительно запрещены въ Библии, только—не 7-ю заповѣдью десятословія.

Кажется, теперь моя позиція для моего оппонента должна быть вполне ясна. Рамки моего утвержденія—полнѣ опредѣленны, и разъ В. В. Розановъ это ясно увидитъ, онъ едва ли станетъ далѣе спорить противъ того, что я высказываю именно въ данныхъ рамкахъ. Источникъ всѣхъ недоразумѣній, вызванныхъ въ немъ моею статьею, заключается въ непониманіи моей основной точки зрѣнія. Моя точка зрѣнія все время была *экзегетическая* или *историко-филологическая*, а не *принципально-этическая*: я рассуждалъ о томъ, что называется прелюбодѣянiемъ въ Библии, не задаваясь вопросами о томъ, справедливо ли это библейское понятіе, точно ли оно, полно ли и т. д. Я имѣлъ дѣло съ документомъ и желалъ истолковывать его изъ него самого, не привнося въ свое толкованіе никакихъ постороннихъ, хотя бы и весьма цѣнныхъ, принциповъ и представленій—богословскихъ, философскихъ, нравственныхъ и т. п. Я раскрывалъ, чему учитъ Библия по данному вопросу, ни однимъ словомъ не давая понятъ, какъ я самъ отношусь къ этому библейскому ученію, согласенъ я съ нимъ или нѣтъ, считаю ли нужнымъ подвергнуть его какой-нибудь дальнѣйшей идейной обработкѣ, дополненіямъ и т. д. Короче говоря, я далъ экзегезисъ и критику

понятія въ рамкахъ его употребленія у извѣстныхъ писателей. А г. Розановъ искалъ въ Библии и въ моей статьѣ такого рѣшенія, которое бы отвѣчало болѣе широкимъ интересамъ, нежели интересы научнаго, историко - филологическаго экзегезиса. Онъ все время ищетъ у меня принципиально-этического рѣшенія по занимающему его вопросу, что, между прочимъ, съ особенною ясностью видно изъ эпилога его разсматриваемой статьи: „Вѣдь разъ уже бракъ есть таинство, онъ не можетъ не лежать въ десницѣ церкви и, затѣмъ преемственно, — духовенства и наставителей духовенства (профессора и учителя семинаріи)... Подумайте, духовные: вѣдь намъ запрещено еще откуда-нибудь получать хлѣбъ кромѣ какъ отсюда!!“ (стр. 540). Весьма возможно, что, прочитавши писанное мною выше, г. Розановъ скажетъ, что я въ обѣихъ своихъ статьяхъ ему вмѣсто хлѣба подношу камень... Очень жаль, если это такъ дѣйствительно вышло; по праву я въ этомъ не виноватъ, а виноватъ самъ г. Розановъ. Своей точки зрѣнія я отнюдь не скрывалъ и не замаскировывалъ, а напротивъ, даже намѣренно и очень рельефно ее подчеркивалъ (ср. стр. 760. 761, слова: „мы считаемъ необходимымъ по чисто *научнымъ* основаніямъ протестовать противъ одного опредѣленія Розанова“). Вольно же ему было не обратить на это вниманіе и искать у меня того, чего я и не думалъ давать. А не думалъ я этого давать по причинамъ весьма уважительнымъ: тогда бы мнѣ пришлось считаться со всѣмъ міровоззрѣніемъ моего оппонента, и вмѣсто небольшой статьи написать, пожалуй, цѣлую книгу, для чего у меня не было ни времени, ни охоты.

Не имѣю я и теперь ни достаточно времени, ни сильнаго желанія вдаваться въ обсужденіе по существу тѣхъ важныхъ и сложныхъ вопросовъ брачной жизни, которые такъ разносторонне и такъ глубоко затрогиваетъ г. Розановъ. Но изъ чувства неподдѣльнаго уваженія къ искренности и жаднѣ удовлетворяющей истинны, съ какими онъ трактуетъ свои вопросы, я не могу отказаться отъ обсужденія, хотя бы въ самой краткой формѣ, его взглядовъ, раскрываемыхъ въ настоящей статьѣ. Не знаю, удовлетворятъ ли его мои сужденія. Да и на самыхъ сужденіяхъ этихъ сильно не настаиваю.

ваю. Могу только увѣрить, что не изъ страсти къ противорѣчю я въ дѣлаемыхъ ниже замѣчаніяхъ часто не соглашаюсь съ г. Розановымъ и не изъ лести высказываю ему одобреніе въ другихъ случаяхъ. И тамъ и здѣсь я только стараюсь правдиво выразить то, что дѣйствительно въ настоящее время думаю по затрогиваемымъ вопросамъ.

Замѣчанія свои я буду излагать въ формѣ „примѣчаній“ къ тѣмъ или инымъ страницамъ и строкамъ текста разсматриваемой статьи.

1. Къ стран. 518 стрк. 11. Несомнѣнно, что Ветхій и Новый Заветы во многомъ расходятся. Да иначе и быть не можетъ, ибо Новый замѣнилъ собою Ветхій, одно въ немъ отмѣнивши, другое ограничивши и иначе обусловивши, третье пополнивши, вмѣсто четвертаго давши нѣчто совсѣмъ новое и т. д. Но положеніемъ объ этомъ „расхожденіи“ не слѣдуетъ злоупотреблять, пользуясь имъ въ совершенно огульной формѣ и смѣшивая понятіе „новозавѣтнаго“ съ понятіями вообще „христіанскаго“ или даже „церковнаго“. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ каждомъ вопросѣ дѣло должно рѣшиться спеціальнымъ, нарочитымъ изслѣдованіемъ.

2. Къ стрн. 519 стрк. 12 сл. Не знаю, откуда взялъ г. Розановъ что у Давида было именно семь женъ; но только, во всякомъ случаѣ, число это не точно соответствуетъ дѣйствительности (ср. 1 Ц. 18, 27; 25, 42. 43; 2 Ц. 3, 3. 4. 5; 5, 13). О полигаміи и полиандріи, о которыхъ здѣсь могъ быть поставленъ принципиальной вопросъ, см. у меня выше, стр. 544 и ниже, пр. 8.

3. Къ 522, 16. „Исходной точкой“ для разысканій относительно того, что запрещается 7-ю заповѣдью, должно быть не понятіе о „плодородіи“, какъ задачѣ семейной жизни, а понятіе о „союзѣ“ или договорѣ брачномъ, создающемъ спеціальныя обязанности супруговъ и спеціальныя права ихъ относительно другъ друга (нравственныя, социальныя, юридическія, экономическія, физическія). Задача плодородія осуществима и безъ семьи (и прекрасно осуществляется, какъ мы видимъ на примѣрѣ животныхъ). Но условія чело-вѣческаго существованія сдѣлали невозможнымъ осуществленіе этой задачи more саіно, потребовался болѣе или менѣе прочный союзъ, въ рамки котораго и должно быть введено

осуществленіе чисто фізіологической задачи размноженія. Условія нормальности этого союза и выражаетъ требованіе 7-ой заповѣди.

4. Къ 523, 17 сн. Положеніе, что „плодородіе угодно Богу, въ какой угодно мѣрѣ угодно же“, является съ точки зрѣнія В. З. (а оно именно съ этой т. з. и высказывается) довольно рискованнымъ. Оно не можетъ быть подтверждено никакимъ яснымъ и вѣскимъ библейскимъ свидѣтельствомъ. А такіе факты, какъ, напр., описанный въ 25 главѣ книги Числь или въ 31, 15—18 той же книги (наказанія за блудъ съ моавитянками), заставляютъ сильно ограничить этотъ эффектный тезисъ г. Розанова.

5. Къ 526, 6 сн. и сл. Въ предлагаемой здѣсь критикѣ „нашихъ понятій“ о половой и семейной чистотѣ много глубоко справедливаго и по существу вѣрнаго. Но критика эта исходитъ изъ ложнаго принципа, который, какъ мною сказано выше (въ прим. 3), не можетъ быть полагаемъ въ основу разсужденій по вопросамъ семейной и вообще половой жизни человѣчества обоихъ половъ. Здѣсь я долженъ обратиться къ той „казуистикѣ“ моральной, о которой я говорилъ выше (стр. 550). Но предварительно—*общее положеніе* или, вѣрнѣе, *общая точка зрѣнія*, которая должна, по моему мнѣнію, освѣщать всѣ эти казуистическіе вопросы и разрѣшать всѣ возникающія здѣсь коллизіи. Какъ должны вести себя замужнія женщины, это совершенно ясно и безспорно и для г. Розанова, и для меня: онѣ должны соблюдать вѣрность своимъ мужьямъ. Но основанія для этого требованія у меня иныя, нежели у г. Розанова. Онъ опасается „смѣшенія сѣмени“; мнѣ это кажется сущими пустяками и совершенно фантастическимъ опасеніемъ. Въмѣсто этой мистико-фізіологической точки зрѣнія, я стою на нравственной: бракъ есть союзъ любви, и половыя сношенія супруговъ суть выраженіе этой любви, ею освящаются, узаконяются и дѣлаются достойными человѣка; безъ любви это—грубо животный актъ, заставляющій человѣка стыдиться, довольно некрасивый съ эстетической точки зрѣнія и обыкновенно унижающій одну изъ участвующихъ сторонъ, а иногда и обѣ въ глазахъ другъ друга и нерѣдко толкающій наиболѣе пассивную и зависимую сторону къ постепенному ниспаденію до уровня подонковъ человѣчества уже въ самомъ общемъ смыслѣ; половой

актъ, какъ эквивалентъ взаимной любви, это—основное предположеніе, моральный базисъ супружества;—теперь, если мы примемъ во вниманіе, что любовь и всякая то довольно исключительна (извѣстны факты ревности даже въ дружбѣ), а половая въ особенности, то станетъ понятно, что измѣна жены глубоко оскорбляетъ мужа, какъ доказательство исчезнувшей или исчезающей любви и какъ попытка лишить бракъ его моральнаго базиса; негодованіе на измѣну существеннымъ элементомъ своимъ имѣетъ страхъ за распадъ семьи (и часто за судьбу дѣтей) и обиду за попорченное чувство; сюда же не менѣе существеннымъ элементомъ приводить и презрѣніе къ нарушенію обѣщанія вѣрности, даннаго при заключеніи брака. Но по вопросу о томъ, какъ должны вести себя женатые *мужчины*, у насъ съ г. Розановымъ уже не оказывается такого согласія. Онъ склоненъ предоставить мужчинамъ большую свободу. Я же полагаю, что обязательства супруговъ должны быть непременно *обоюдны и равны*. Въ этомъ случаѣ я не только расхожусь съ г. Розановымъ, но и съ Ветхимъ Заветомъ, къ которому онъ питаетъ такую нѣжность. Взглядъ на женщину, какъ на существо низшее мужчины, подчиненное, во многихъ случаяхъ какъ рабу мужчины, а въ большинствѣ какъ его собственность, долженъ уступить мѣсто другому взгляду, вытекающему изъ болѣе развитого и послѣдовательнаго нравственнаго сознанія. Принципы этого сознанія намѣчены и даже прямо провозглашены въ ученіи Христа, но, къ сожалѣнію, въ ученіи Апостоловъ они, въ примѣненіи къ женщинѣ, не только не развиты подробнѣе и яснѣе, а затѣнены остатками іудейскихъ представленій. По этому болѣе развитому нравственному сознанію, пробивающему себѣ теперь дорогу къ господству надъ всѣмъ человѣчествомъ, *женщина должна быть безусловно равноправна съ мужчиной—и какъ членъ этическаго союза, и какъ субъектъ гражданскихъ правъ, и какъ членъ государства*. Примѣняя эту точку зрѣнія къ браку, мы видимъ, что и на супружескую вѣрность мужа она имѣетъ такое же нравственное право, какъ и мужъ на ея вѣрность. Требованіе заповѣди „не прелюбодѣйствуй“, имѣвшее въ Ветхомъ Заветѣ не одинаковый объемъ и силу для мужа и для жены, нашимъ нравственнымъ сознаніемъ принимается, какъ равно обязательное для обоихъ. Само собою понятно,

что разъ это требованіе по существу есть нравственное, исполненіе его никоимъ образомъ не можетъ и не должно вынуждаться гражданскимъ или уголовнымъ законодательствомъ (новое отличіе отъ Ветхаго Завѣта). Этической природѣ брачнаго союза должна соотвѣтствовать самая полная свобода и непринужденность его сохраненія. Законодательство должно гарантировать только исполненіе тѣхъ экономическихъ и социальныхъ обязательствъ, которыя вытекаютъ изъ факта заключенія союза и нерѣдко должны сохранять свою силу даже и по распаденіи самаго союза (таковы, наприм. обязательства по воспитанію дѣтей, по разверсткѣ общаго имущества, расплатѣ съ общими кредиторами и т. п.);—случай совершенно аналогичный съ законодательнымъ контролемъ за ликвидаціей дѣлъ другихъ договорныхъ отношеній и ассоціацій (разныхъ обществъ, товариществъ и т. п.).

Таковъ мой принципиальный взглядъ на существо, нравственные обязательства и юридическія послѣдствія брачнаго союза. Теперь о лицахъ, не состоящихъ въ бракѣ, т.-е. о *холостыхъ мужчинахъ, дѣвицахъ, вдовцахъ и вдовахъ*.

Начну съ лицъ двухъ первыхъ категорій. По идеальному порядку, т.-е. съ абсолютно нравственной точки зрѣнія, холостыми и дѣвицами могутъ и должны быть только лица, неспособныя или не склонныя къ семейной жизни или, хотя способны и склонны, но еще не полюбившія и, въ свою очередь, никѣмъ еще не любимыя. Первымъ двумъ группамъ (неспособнымъ и несклоннымъ), само собою понятно, подобаеъ жить въ цѣломудріи и никакихъ половыхъ отношеній не имѣть. Послѣдней (еще не полюбившимъ или не любимымъ) надо ждать, когда придетъ любовь, а до тѣхъ поръ тоже жить въ цѣломудріи, потому что только любовь, какъ сказано (стр. 559), освящаетъ половыя отношенія. Такъ должно быть съ отвлеченной, чисто нравственной точки зрѣнія. Но дѣйствительная жизнь своимъ экономическимъ и социальнымъ строемъ обусловливаетъ существованіе еще одной колоссально громадной группы холостыхъ и дѣвицъ, которые и способны и склонны къ семейной жизни, но не могутъ ея вести по причинамъ, оказывающимся сильнѣе ихъ воли. Вотъ о нихъ то труднѣе всего высказать рѣшеніе. И благодаря имъ то, семейный и вообще половой вопросъ и приобрѣлъ такой скандальный, до чрезвычайности

запутанный и тяжелый характеръ. Отсюда и безконечная, зачастую жалкая и унижительная путаница нравственныхъ понятій: люди между молотомъ и наковальней или стиснутые между двумя жерновами,—съ одной стороны, гонимые могучимъ половымъ инстинктомъ, жаждой любви и семейной жизни, а съ другой угнетаемые желѣзной рукой социальнаго и экономическаго строя,—вынуждены либо вступать въ непосильную борьбу съ собственной природой, расплачиваясь за эту борьбу своимъ здоровьемъ, нервами и даже психикой, либо забывать о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и жить погребенными. Въ послѣднемъ случаѣ на помощь оскорбленному чувству приходитъ софистическій разсудокъ и вырабатываетъ особую, упрощенную теорію половыхъ отношеній, которая иногда дѣйствительно помогаетъ, чаще запутываетъ человѣка въ безысходныя антиноміи, обыкновенно же приводитъ къ опошленію и полному вывѣтриванію нравственнаго чувства. Если еще вспомнить, что продуктомъ этого социальнаго и экономическаго строя является и такой бичъ человѣчества, какъ проституція, то невольно воскликнешь: да будетъ онъ проклятъ, весь этотъ строй! И не слово осужденія его жертвамъ можемъ мы высказать, а должны всѣ свои силы направить на устраненіе причинъ, порождающихъ зло. Но для тѣхъ, кто и въ описанныхъ тискахъ пожелалъ бы сохранить нравственное достоинство или, по крайней мѣрѣ, остатокъ его, я провозглашаю то же требованіе: сдаться только по любви и жить пока любовь цѣла. Ну, а гдѣ и такая комбинація не удается, тамъ ужъ Богъ имъ судья,—пусть дѣлаютъ какъ хотятъ и какъ могутъ... Никому этимъ никакого оскорбленія не наносится. Жаль только людей, доведенныхъ до животнаго состоянія и вынужденныхъ вмѣсто интимнаго и существеннаго сознанія своей моральной правоты довольствоваться сознаніемъ формальнымъ.

Вдовы и вдовцы съ формальной стороны находятся въ такомъ же положеніи, какъ холостые и дѣвицы. Поэтому къ нимъ примѣнимо все, что сказано о послѣднихъ, т. е. они прежде всего, если могутъ и хотятъ, пусть женятся; если не могутъ и не хотятъ, пусть живутъ цѣломудренно. Но и согрѣшившая вдова никого, въ сущности, не оскорбляетъ, кромѣ развѣ дѣтей, если они у нея есть. Но у вдовъ и вдовцовъ, если они въ свое время были искренно любящими супругами, прибав-

ляется одинъ спеціальнѣйшій мотивъ къ сохраненію цѣломудрія,—это любовь къ умершей половинѣ и уваженіе къ ея памяти. Это, впрочемъ, мотивъ настолько возвышенный и деликатный, что не всѣ души оказываются ему доступны.

Разведенные мужчины и женщины оказываются съ нравственной точки зрѣнія въ одинаковомъ положеніи съ холостыми и дѣвцами. Если же у нихъ есть дѣти, то этимъ прибавляется къ ихъ положенію черта, характеризующая вдовство.

Перехожу теперь къ критикѣ „нашихъ понятій“ у В. В. Розанова. Съ точки зрѣнія раскрытыхъ моихъ принципиальныхъ воззрѣній становится ясно, почему я, не колеблясь, присоединяюсь къ протесту г. Розанова противъ осужденія рождающихъ вдовъ и дѣвицъ (въ его текстѣ №№ 1—3). Его ироническое замѣчаніе о покровительствѣ, оказываемомъ нашими гражданскими и церковными законами половому общенію замужней женщины съ не мужемъ, мнѣ непонятно. Вѣдь закону нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣла до того, что составляетъ предметъ частнаго интереса: если мужъ не жалуется и не протестуетъ, никто не смѣетъ официально называть его женою прелюбодѣйкою; право оспаривать законность ребенка принадлежитъ только мужу. Не могу, по изложеннымъ выше основаніямъ, согласиться и съ отстаиваемымъ г. Розановымъ правомъ мужа „кромѣ дозволеннаго удовольствія съ женою“ имѣть такое еще и на сторонѣ (стр. 527). Конечно, судьей его въ этомъ случаѣ не можетъ и не долженъ быть гражданскій или уголовный законъ, а только собственная его жена; но онъ безусловно всетаки „прелюбодѣй“, не смотря на то, что Ветхій Заветъ за него.

6. Къ 527, 4 сл. Нужно ли пояснять, что ни „Уставъ духовныхъ консисторій“, ни дѣйствующій „Сводъ законовъ“ по брачному праву я подъ свою защиту отнюдь не беру?

7. Къ 528, 1 и слѣд. Случай весьма характерный для нашихъ законовъ о разводѣ. Такихъ или подобныхъ примѣровъ можно набрать тысячи. Но вѣдь теперь уже едва ли найдется, кто бы сталъ bona fide защищать status quo нашего бракоразводнаго процесса. Нерѣдко же высказываемая боязнь предъ слишкомъ радикальнымъ и либеральнымъ рѣшеніемъ этого вопроса есть, въ сущности, только лицемѣріе.

Но любопытно было бы спросить, чѣмъ съ точки зрѣнія г. Розанова виновата въ этомъ случаѣ жена. Вѣдь мужъ ей былъ непреодолимо противенъ.

8. Къ 529, 13 сл. Неужели мой уважаемый оппонентъ серьезно вѣрить въ такую наивную басню, какъ бесплодіе женщины, тайно прелюбодѣйствующей отъ мужа?.. Теорія эта о „парализации“ сѣмени отъ его „смѣшенія“, мнѣ кажется, заставила бы только улыбнуться всякаго серьезнаго физиолога и зоолога. Ссылки на извѣстные намъ въ жизни факты ничего здѣсь доказать не могутъ, потому что надо еще знать, *отъ чего* у этихъ женщинъ нѣтъ дѣтей... Примѣры полиандрии въ исторически извѣстныхъ человѣческихъ обществахъ и еще болѣе въ царствѣ животномъ рѣшительно говорятъ противъ теоріи г. Розанова. Не мирятся съ ней и физиологическія данныя о процессѣ оплодотворенія.

9. Къ 529, 27. Исторія Омана никакого схематическаго или типическаго значенія не имѣетъ, а рассказана такъ сравнительно подробно, чтобы возвысить значеніе и обязательность левиратнаго брака. А въ сознаніи позднѣйшаго іудейства (5 в. до Р. Х.) она едва ли не приобрѣла значеніе мотива къ избѣжанію браковъ съ язычницами (см. въ моей книгѣ: „Пророкъ Малахія“, 1903, стр. 352).

10. Къ 529—580 и сл. Попытка изъ Библии оправдать супружескія измѣны мужей для развитога нравственнаго сознанія неудобопріемлема. Во-1-хъ, самыя доказательства—не безъ натяжекъ и во-2-хъ, идеалъ ветхозавѣтнаго брачнаго законодательства для насъ уже слишкомъ отсталы (см. прим. 5, стр. 560). Пусть бы г. Розановъ лучше доказалъ, что жена не оскорбляется, не можетъ и не должна оскорбляться измѣнами мужа. Едва ли это ему удастся сдѣлать. А затѣмъ, что скажетъ онъ, съ своей точки зрѣнія, противъ измѣны жены въ сравнительно продолжительное отсутствіе мужа, когда ничто не мѣшаетъ ей забеременнѣть?

11. Убѣжденіе, что женщины въ мужчинахъ красоты не ищутъ, а больше интересуются „силой и полновѣсностью корпуса“, едва ли не продиктовано безсознательнымъ мужскимъ эгоизмомъ и атавистическимъ инстинктомъ брать женщину-рабу, не справляясь съ ея вкусами. Мнѣ думается, что источникъ этого убѣжденія—тотъ же, что и извѣстной поговорки: „для женщины мужчина уже красавецъ,

если онъ немного лучше черта“. Эта поговорка прекрасно характеризуетъ забитость и приниженность женщины, но, конечно, не выражаетъ ея истиннаго взгляда. Интересно было бы получить отвѣты отъ возможно большого числа женщинъ на вопросъ: что онѣ предпочитаютъ въ мужчине,—красоту или „полновѣсность корпуса“? не берусь, разумѣется, быть пророкомъ, но не думаю, чтобы большинство высказалось за полновѣсность...

Скажу, впрочемъ, что я вижу въ этомъ сужденіи г. Розанова и серьезную сторону, которая состоитъ въ томъ, что дѣйствительно женскія и мужскія понятія о красотѣ во многомъ не совпадаютъ; но чтобы разница между ними была такова, какъ кажется г. Розанову, съ этимъ я затрудняюсь согласиться.

12. Къ 531, 17. сн. Вполнѣ согласенъ, что теорія развода должна считаться съ фактами иногда непреодолимаго и непонятнаго отвращенія къ сожителю съ извѣстнымъ лицомъ.

13. Къ 531, 24 и слѣд. Разсужденія о „духѣ Библии“ и объ „основномъ благословеніи“ не лишены краснорѣчія и своеобразнаго пафоса, но научной цѣнности не имѣютъ никакой и едва ли кого изъ дѣйствительно знакомыхъ съ Библией могутъ убѣдить. „Основное благословеніе“, на которое такъ много вообще въ своемъ міровоззрѣніи вваливаетъ г. Розановъ, есть вѣдь, въ сущности, только творческій актъ надѣленія половою способностью и половымъ влеченіемъ и ничего болѣе. Никакого нравственнаго обязательства или оправданія имъ не создается. Такое „благословеніе“ дано и животнымъ (ср. Б. 1, 22). „Физиологичность“ духа Библии принадлежитъ къ числу недоказуемыхъ постулатовъ Розановской теоріи, а его „трансцендентность“... прошу меня извинить, я безусловно отказываюсь понять, что это за шутка!

14. Къ 534, 20. вмѣсто „секрета крови“ лучше говорить о теоріи и символикѣ ритуальной чистоты. Никакой „тайной органическаго сложенія и разложенія“ евреи не владѣли. Говорить объ этомъ можно только при апріорномъ, почти мистическомъ предубѣжденіи въ пользу ихъ какой то необычайной мудрости. При ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, съ т. н. библейской археологіей, ни тѣни чего-либо подобнаго не оказывается, а вмѣсто того—только условно - символиче-

скія и ритуальныя представленія, распространяемыя нерѣдко и на совершенно неподходящія, на нашъ взглядъ, области.

Въ заключеніе своихъ замѣчаній на статью В. В. Розанова я долженъ сказать, что вполнѣ сочувствую его стремленію облегчить условія развода, опредѣляемыя въ нашемъ законодательствѣ и совершенно неразумно, и безъ нужды жестоко. Будемъ надѣяться, что здравое воззрѣніе пробьетъ, наконецъ, себѣ путь и къ законодательному признанію. При этомъ имя В. В. Розанова съ благодарностью будетъ вспомнано, какъ имя честнаго борца противъ многовѣковой жестокости и несправедливости. Но мнѣ безусловно несимпатично его стремленіе оправдывать распутство мужей, оскорбляющее идею этической равноправности супруговъ, и легкомысленно-сочувственное отношеніе ко всякимъ вообще половымъ связямъ, даже безъ надобности мимолетнымъ, не основывающимся на любви и не выливающимся въ болѣе или менѣе длительное сожителство.

П. Тихомировъ.

Москва.

1905 г. 2 Февраля.
